

О товарищах по профессии

ДВЕ СУДЬБЫ

Сергей ОБРАЗЦОВ

МНОГО лет тому назад, наверное, лет шестьдесят, в один из дворов 4-го Полевого переулка в Сокольниках пришли два человека. Один нес на ремне тяжелую шарманку, а другой — складную ширму. Иногда этот второй похлопывал рукой по ширме, и оттуда раздавался смешной, верещащий, очень ныскавый голосок. Было ясно, что в ширме сидит что-то живое.

Все ребята из соседних дворов с криком бежали в тот двор, куда вошли эти таинственные двое. Шарманка начала играть «Солнце всходит и заходит», «Разлуку», «Маруся отравилась». Складная ширма из маленькой стала узкой и длинной, в рост человека. Из нее выскочило то, что верещало. Оно оказалось еще смешнее, чем голос. Носатый, горбатый, в колпачке с кисточкой, озерной, охальный, дурашливый Петрушка. Началось удивительное, прямо-таки непостижимое представление, а когда оно закончилось, черт утащил Петрушку в ад, все стало скучным и неинтересным. Шарманщик снял с головы картуз и стал собирать деньги. Денег давали мало и немногие. Два молодых булочника в белых халатах с жирными грязными животами, хотевшие больше всех, с тем же хотением ушли и ничего не кинули в потный картуз. Из двух форточек второго этажа деревянного дома — выше двухэтажных домов в том немощем переулке и не было — выбросили деньги, завернутые в бумажки. Одна бумажка развернулась. Из нее выкатились две копейки. Сколько было в другой бумажке, не знаю.

Невесть откуда взявшиеся два странных человека с шарманкой и ширмой ушли, а мы, ребята, начали играть в бабки. У каждого в кармане была его личная собственность, его драгоценность: свищовая бабка. Конечно, в те годы мне и в голову не могло прийти, что, когда

я вырасту, буду таскать на своем плече складную ширму и показывать людям кукол.

* * *

На Маросейке на столбе ворот какого-то дома сохранилась выпуклая надпись. К каждому маю ворота эти красят, но уже к июню краска от дождя стекает, и тогда легко можно прочесть: «Свободен от постоя». Значит, хозяин этого дома был достаточно богат или именит, коли приобрел право не брать на постой солдат, если их в каком-либо случае будут расквартировывать. Рядом с такими надписями обычно висели еще и другие: «Вход нищим, старьевщикам, шарманщикам и петрушечникам строго воспрещается».

Дворники и городовые с позором выгоняли тех, «кому строго воспрещается». Нипдая, неуважасмая эта была профессия — петрушечник, тяжелая. Шарманка весит больше 30 килограммов. Коли не верите, зайдите в музей Государственного центрального театра кукол и попросите директора музея открыть вам витрину, в которой выставлена шарманка Ивана Афиногеновича Зайцева. Она сыграет вам и «Солнце всходит», и «Марусю», которая отравилась потому, что «были у Ивана кудри золотые, знал он все прекрасно песни городские. Как же тут бедняжке было не влюбиться, как же по измене тут не отравиться».

Прикиньте на вес эту шарманку, и тогда вы поймете, сколько сил истратил человек, протащивший эту шарманку через сотни верст и десятки лет по селам, ярмаркам, городам России, и сколько радости доставил он миллионам людей, которые ни в каких театрах не бывали и не могли быть, а о кино и телевидении даже ученые фантасты знали в то время меньше, чем мы с вами про антимиры. Увидите вы рядом с шарманкой и Петрушку, и всех персонажей этого представле-

ния. И, наконец, портрет самого Ивана Афиногеновича Зайцева, написанный художницей Ниной Яковлевной Симонович-Ефимовой — одной из основоположниц советского театра кукол.

Когда почти сорок лет тому назад был организован Государственный центральный театр кукол, нас, организаторов этого театра, было мало. Совсем мало. Всего, наверное, человек 10—12. И среди них был Иван Афиногенович Зайцев со своей женой Анной Дмитриевной Тригановой. Были они людьми старыми и играть могли только теми куклами, которых сделали сами, и только то, что десятилетиями играли на улицах и в балаганах. Анна Дмитриевна помогала: крутила шарманку. Основные роли играл «Финогеныч», так его звала Анна Дмитриевна. Играл Зайцев замечательно. По таланту, по мастерству, по тонкости это было сочетание личности и традиции. Удивительное потому, что традиции часто уничтожает личность, но бывает, когда она ее раскрывает, увеличивает. Я несколько не погрешу, если скажу, что «Финогеныч» для меня — это то же, что Рублев, или Феофан Грек, или многие иконы на стекле балканских стран, или отдельные, неповторимо прекрасные украинские «писанки», или архангельские горельефы из моржовой кости.

И произошло чудо. Иван Афиногенович Зайцев, человек нищий, презираемой профессией, первым из всех кукольников нашей страны получил звание заслуженного артиста республики.

Это чудо было одним из серии чудес, рожденных Октябрем: первые национальные театры в каждой нашей республике на языке народа этой республики, первые профессиональные театры для детей и, наконец, профессиональные театры кукол, одним из которых оказался и наш театр.

Недолго играл и недолго жил с нами Иван Афиногенович. Мы похоронили его. Но он передал нам эстафету преданности профессии. Не стиль игры, не манера кукловогождения, не традиционность репертуара. Этого не могло произойти. Ведь живем-то мы совсем в другое время. Но многие, очень многие переняли именно преданность, абсолютную преданность театру кукол.

Я назвал эту заметку «Две судьбы» потому, что сейчас хочу рассказать о человеке, который с полным правом может считать себя наследником Зайцева, хотя ничем, ну, ничем на него не похож. Кроме са-

мого главного. Он абсолютно талантлив и абсолютно одержим своей профессией.

38 лет Семен Соломонович Самодур работает в нашем театре. Переиграл десятки ролей, и почти каждую из них я вспоминаю как счастье. Все равно, кого он изображает: Чертенку в «Ночи перед рождеством», Генерала в «Щучьем велении», Бога в «Божественной комедии» или «Ноевом ковчеге». В этом актере какое-то неповторимое слияние эксцентрики с правдой, настоящей, «по Станиславскому». На нем, как на примере, можно показать, что без правды эксцентрик — грош цена.

В нашем спектакле «Новоселье» в самом его начале выходят на сцену два человека. «Шарманщик», которого играет наш драматург и наш замечательный актер Евгений Вениаминович Сперанский, и «Петрушечник» — Семен Соломонович Самодур. Оба они народные артисты республики. Недавно Семену Соломоновичу исполнилось шестьдесят лет. Министерство культуры РСФСР отметило эту дату особым приказом.

В юбилейный день Иван Афиногенович Зайцев, если бы он был жив, не мог бы поднять бокал в честь Семена Соломоновича прежде всего потому, что «Финогеныч» не пил и не курил. Но я знаю, какой радостью было бы наполнено его сердце в этот торжественный день. Вы только подумайте: его профессия, его труд — все дело его жизни, вся трудная судьба этой жизни из нищенского унижения стала праздником, постоянным праздником. Один из тех, кто принял его эстафету, имеет звание народного артиста и играет не на пыльной площадке и не в балагане, а в великолепном театре, награжденном орденом Трудового Красного Знамени. Но ведь орден-то этот принадлежит и Зайцеву, вместе со всеми нами создавшему наш театр.

И не копейки, завернутые в старые обрывки «Русских ведомостей», кидают зрители театра нашим актерам. Задолго до дня спектакля они становятся в очередь или записываются в кассу, чтобы купить билет.

Дорогой Семен Соломонович! Я не старообрядец и, хоть курить бросил, но вино, когда долагается, пью, как все грешные. И, если радовался бы сейчас Иван Афиногенович Зайцев, значит, радуюсь и я, поднимая бокал за вашу судьбу, за ваш труд, за ваше счастье.

1971 FEB 4

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

7. Месина